

ОТРИЦАНИЯ В РЕЧИ КАК МАРКЕР ОПИСАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО НЕГАТИВНЫХ СТИМУЛОВ

АНДРЕЕВА Г.А.

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы

(ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4155-8970>, e-mail: andreeva_galia29@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования устного корпуса текстов. На основании некоторых теоретических и эмпирических данных мы предположили, что отрицания в речи могут быть маркерами описания эмоционально негативных стимулов; поставленные эксперименты позволили проверить эту гипотезу. В Исследовании 1 (N=42) испытуемым нужно было описать две картины, противоположные по своим эмоциональным характеристикам (позитивная и негативная). В Исследовании 2 (N=32) —испытуемым нужно было рассказать два воспоминания о себе: страшное и радостное. В результате, аудиозаписи с устной речью были транскрибированы в письменный вид по системе выделения фраз (или элементарных дискурсивных единиц ЭДЕ). Получившиеся корпуса устного текста анализировались по наличию в них отрицательных оборотов (частицы и приставки «не», «ни», слова «нет»). Статистическая оценка показала, что страшные воспоминания и эмоционально негативная картина описываются значимо чаще с употреблением отрицательных частиц ($p \leq 0,001$) —при описании негативных стимулов отрицания употребляются в два раза чаще, чем при описании позитивных. Значит, можно предположить, что описание эмоционально негативных стимулов актуализирует употребление отрицательных оборотов в речи. Такие результаты позволяют рассматривать отрицания как имплицитный дискурсивный маркер, который свидетельствует о негативном эмоциональном характере предмета речи.

Ключевые слова: отрицания, негативная оценка, дискурсивный маркер, ЭДЕ, негативные стимулы, дискурс, устный корпус.

Благодарности. Автор благодарна научному руководителю Е.В. Улыбиной за поддержку и помощь в осмыслении полученных результатов.

Для цитаты: Андреева Г.А. Отрицания в речи как маркер описания эмоционально негативных стимулов // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 4. С. 143—156. DOI: <https://doi.org/10.17759/expsy.2023160410>

NEGATIONS IN SPEECH AS A MARKER OF DESCRIBING EMOTIONAL NEGATIVE STIMULI

GALINA A. ANDREEVA

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4155-8970>, e-mail: andreeva_galia29@mail.ru

The article presents the results of an empirical study of the oral corpus of texts. Based on some theoretical and empirical data, we have suggested that negations in speech can be markers of describing emotionally negative stimuli, the experiments have allowed us to test this hypothesis. The Study 1 (N=42):

CC BY-NC

subjects described two pictures that are opposite in their emotional characteristics (positive and negative). The Study 2 (N=32): subjects had to tell two memories about themselves: a frightening memory and a joyful one. The recorded audios were transcribed into written form. It was made by the system of phrase allocation (or elementary discursive units). So, we've got corpus of oral text. The corpus was analyzed by the presence of negations in it (particles and prefixes "not", the word "no"). Statistical analysis showed that frightening memories and an emotionally negative picture are described significantly more often with the use of negative particles ($p \leq 0.001$). Describing negative stimuli, negations were used twice as often as when describing positive ones. So, it can be assumed that the description of emotionally negative stimuli actualizes the use of negative phrases in speech. Such results allow us to consider negations as an implicit discursive marker, which indicates the negative emotional nature of the subject of speech.

Keywords: negation, negative assessment, negative marker, discursive marker, negative stimuli, oral corpus.

Acknowledgements. The author is grateful to scientific adviser E.V. Ulybina for her support and assistance in understanding the results.

For citation: Andreeva G.A. Negations in Speech as a Marker of Describing Emotional Negative Stimuli. *Экспериментальная психология = Experimental Psychology (Russia)*, 2023. Vol. 16, no. 4, pp. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160410> (In Russ.).

Введение

В практической психологии, в маркетинге, а также среди специалистов, практикующих гипноз, расхожим мнением является то, что отрицания лучше не использовать в речи или в рекламе, так как они либо запутывают реципиента, либо вообще не обрабатываются на неосознаваемом уровне. Всё дело в том, что при обработке отрицаний актуализируется отрицаемая лексема, а она противоположна основному значению фразы.

Представим ситуацию, когда мама с ребенком заходят в магазин, и мама говорит: «Никакого мороженого!», — тем самым она напоминает ему о мороженом, о котором сам ребенок, может быть, и забыл. Педагоги не рекомендуют использовать отрицания в запрете потому, что в такой фразе нет указания на то, как нужно делать [1].

В эриксоновском гипнозе употреблять отрицания при наведении транса и внушении прямо запрещается [4; 5]; считается, что отрицательная фраза не просто актуализирует противоположный смысл, а вообще не обрабатывается на бессознательном уровне. Фраза «не беспокойтесь» вызывает только большее беспокойство.

Интерпретация отрицаний при их восприятии, соответственно, предполагает игнорировать отрицательную частицу или приставку так, словно говорящий имеет в виду как раз противоположное [9; 15].

Эти широко известные и используемые в практической психологии предположения об отрицаниях в речи в целом остаются вне научного фокуса. Но есть некоторые зарубежные исследования, призванные прояснить характер влияния отрицаемой лексемы (или семантического ядра отрицания) на эмоциональную оценку этих фраз и эмоциональную реакцию [20; 24]. Они показывают, что отрицательная формулировка фразы или слова может заметно сдвигать оценку в негативную сторону. Этот эффект связывают с влиянием эмоционально негативного значения ядра слова, которое подлежит отрицанию, например, «no disease» (ядром здесь является слово «disease»), или фразы «П. не преступник» [20]. Но

есть данные, которые показывают, что даже отрицаемые слова с позитивным ядром (например, «по love») вызывают заметный сдвиг оценки в негативную сторону, а также вызывают мигательный рефлекс как индикатор стрессовой реакции [24]. Сами авторы исследования с мигательным рефлексом считают свои результаты парадоксальными относительно разделяемой ими теории влияния семантического ядра.

Данные эксперименты показывают негативный эмоциональный характер восприятия отрицаний. Можем ли мы предположить, что такая закономерность есть и в противоположном, но очень близком по механизмам работы процессе — при порождении речи? Этот вопрос остается не исследованным.

Интересные теоретические рассуждения об отрицаниях в речи можно найти у Фрейда. Наиболее обобщенной является его идея о том, что отрицания в широком смысле — проявления Танатоса или деструктивного влечения, тогда как форма утверждения считалась результатом Эроса или влечения к жизни [15]. Эти рассуждения Фрейда представлены в короткой, но очень емкой по смыслам статье 1925 года «Отрицание». Говоря «нет», человек пытается отвергнуть, отбросить от себя плохое. Говоря «да», наоборот, принять в себя хорошее. Если перевести эти тезисы на язык примитивных оральных инстинктов, то принятие и «да» — это способ проглотить нечто приятное, отвержение и «нет» — выплевывание отвратительного. Так, согласно психоаналитической трактовке, интеллектуальные функции суждения (согласия или несогласия) развились из примитивных инстинктов. И теперь становится понятно, почему отрицание в речи трактуется как проявление деструктивного влечения, а согласие или подтверждение рассматриваются как заменитель единения и являются проявлением Эроса [15].

Определенное влияние на характер выдвигаемой нами гипотезы оказал и прагматический характер отрицаний, заключающийся в том, что отрицания в речи сопряжены с эмоционально негативными ситуациями запрета, отвержения, критики [2; 8; 14]. Эта констатация даже используется как доказательство негативного эмоционального характера фразеологизмов, сформулированных отрицательно [2].

Схожие данные получены в исследованиях онтогенеза отрицаний в детской речи, где показывается, что самые первые отрицательные фразы используются детьми в возрасте 2–3 лет для выражения запрета и отвержения [17; 25]. А также, когда дети обращают речь на себя, они используют отрицания в качестве самозапрета, употребляя его, таким образом, как средство саморегуляции и контроля [21]. О том, что отрицания в речи являются проявлением контроля, указывал и Д. Макклелланд [23].

На основании вышеизложенных теоретических рассуждений, экспериментальных данных и лингвистических характеристик отрицаний можно предположить, что отрицания в речи действительно сопряжены с негативными эмоциями, но это утверждение изучено явно недостаточно. В нашем исследовании мы попытались экспериментально проверить, могут ли стимулы негативного эмоционального характера актуализировать употребление отрицаний при спонтанном устном описании этих стимулов. Насколько значимым будет этот эффект в сравнении с описанием эмоционально позитивных стимулов? Для концептуализации исследования был выбран фрейм дискурса и дискурсивных маркеров, как наиболее удобный и актуальный способ обработки и интерпретации полученных рассказов.

Отрицание как дискурсивный маркер

Отрицания удобно изучать как дискурсивный маркер (ДМ), потому что отрицания выражаются частицами, приставками и короткими словами. А ДМ являются как раз части-

цы и маленькие слова, которым часто не уделяют внимания, их даже считают избыточными с точки зрения семантического устройства фразы [16], но они имеют свою специфику в живом общении и выполняют скрытые функции [7; 22]. И хотя смыслы ДМ трудно эксплицировать, неосознанно они прекрасно считываются носителями языка и передают наиболее тонкие и важные оттенки текущего настроения говорящего, его отношения к собеседнику, его уровень осведомленности и грамотности и многие другие нюансы.

В частности, ДМ являются следующие слова в русском языке: ну, ведь, ок, же, -ка, кстати, вот. Часто сложно перевести значение этих слов на другой язык и чтобы объяснить их смысл нужно как минимум целое предложение. Вот, например, как в научно-популярной статье на ПостНауке В.А. Плунгян формулирует смысл слова «кстати»: «А сейчас я делаю отступление, это менее важно, имейте в виду, но скоро я вернусь к важному». Этот смысл может скрываться за коротким «кстати»¹.

Исследования отрицания как ДМ встречается в англоязычном научном сегменте [18; 22] и совсем не представлены в отечественном.

Английской частице «по» приписывается несколько функций в дискурсе [22]. 1. Наиболее очевидной функцией «по» является отвержение утверждения. Кажется, что это не вполне дискурсивная функция в узком смысле, а, скорее, прямое значение частицы. 2. Второй функцией является маркирование смены темы, собеседник словно сообщает: «Сейчас я скажу что-то другое, новое». Если использовать лингвистические термины, то «по» здесь является маркером ремы. 3. Другая функция связана с маркированием конфликта и попытками урегулировать его, устранить недопонимание. Эта функция тесно связана с уже упомянутой выше прагматической особенностью отрицаний, заключающейся в том, что отрицаниями в речи сопровождаются такие коммуникативные ситуации, как запрет, отвержение, критика [2], которые, кстати, явным образом сопряжены с негативными эмоциями.

Представленные дискурсивные функции отрицательной частицы «по» являются интересными и интуитивно понятными. А мы хотели бы обнаружить весьма нетривиальную и во многом имплицитную функцию отрицательных элементов в речи, связанную с маркированием эмоционального характера описываемого стимула.

Дизайн исследования

Исследование является междисциплинарным, сочетающим в себе лингвистические элементы (взгляд на отрицания как на дискурсивные маркеры (ДМ), а на рассказы — как на корпус текстов); при этом психологическая часть заключается в характере интерпретации результатов, а также в применении метода эксперимента (который несвойственен анализу дискурсивных маркеров, но является обычным для психологических исследований). Важной психологической составляющей является и то предположение, что именно интенции говорящего в первую очередь влияют на то, что и как он будет говорить [6]. В нашем случае на актуализацию отрицаний в речи влияет интенция говорящего выразить в своем описании эмоциональный характер собственно предмета речи — содержание картины или воспоминания. Интенция передать эмоциональный характер стимула задается инструкцией для испытуемых.

Обычно ДМ исследуют методом контекстно-семантического описания [7; 16], когда дискурсивные функции и смыслы изучаемым лексемам приписывает сам исследователь.

¹ Плунгян В.А. Статья для проекта «ПостНаука». URL: <https://postnauka.ru/faq/8572>

Мы решили использовать эксперимент, который позволит проанализировать данные количественными статистическими методами, что, в свою очередь, позволяет повысить объективность результатов сравнительного анализа.

Гипотеза исследования: эмоционально негативные стимулы будут описываться с более частотным употреблением отрицаний в речи, в сравнении с описанием эмоционально позитивных стимулов.

Исследование 1. Испытуемые устно описывали две картины (рис. 1 и рис. 2), различающиеся по эмоциональному характеру изображаемого сюжета, а также описывали свои впечатления от картин. Независимой переменной здесь является радостный/печальный эмоциональный характер описываемого стимула (картины). Зависимая переменная — количество отрицаний в рассказах (считались приставки и частицы «не», «ни», слова «нет»).

Исследование 2. Испытуемые устно рассказывали радостное и страшное воспоминания. Независимая переменная — вербальное описание эмоционально негативного/позитивного события. Зависимая переменная — количество отрицаний в рассказах (аналогично исследованию 1).

Экспериментальные выборки — связанные, так как фиксировались рассказы одних и тех же испытуемых на оба варианта независимой переменной.

Исследование 1

Стимульный материал. Для целей исследования были выбраны две сюжетные картины художников XIX—XX века. Они представляют примерно одно историческое время (конец XIX в.), что считается по одежде персонажей и предметам быта. Также они схожи тем, что изображают группу людей (7—8 человек).

Предварительно картины предлагалось оценить испытуемым, не принимавшим участие в основной части эксперимента (N=10) по семибалльной шкале эмоций (табл. 1). Инструкция была следующая: «Вам будет предложено оценить несколько картин по одной единственной шкале, которая отражает эмоциональные впечатления. Нужно будет оценить по этой шкале, какие эмоции вызывает у вас каждая из картин, отметьте подходящее значение». Порядок демонстрации картин чередовался для каждого следующего испытуемого, выборка связанная. Значимость различий в оценках по критерию Вилкоксона — высокая ($p \leq 0,01$; $Z = -2,820$; $p = 0,005$).

Первая картина А.Н. Аверина «На этюдах» (рис. 1) представляет семейство, возможно даже не одно, которое отдыхает на берегу моря; эта картина, по оценкам испытуемых, вызывает у них явно светлые и позитивные переживания — медиана оценок составила 6,5 баллов по семибалльной шкале (см. табл. 1, представляющую описание эмоциональной шкалы), диапазон значений — 2 балла.

Таблица 1

Семибалльная шкала эмоций, по которой не участвующие в основном исследовании испытуемые оценивали картины с точки зрения эмоций, которые вызывает у них каждая картина

1	2	3	4	5	6	7
Очень тягостные негативные переживания	Явно негативные переживания	Скорее негативные переживания	Нейтрально	Скорее позитивные переживания	Явно позитивные переживания	Очень светлые и позитивные переживания

Рис. 1. А.Н. Аверин «На этюдах», конец XX в.

Вторая картина (рис. 2) Э. Мунка «Смерть и дитя» представляет комнату, девочку в красном платье и с круглыми от ужаса глазами, на фоне — кровать с умершей женщиной и группа фигур в черных одеждах. Данная картина вызывает действительно тяжелые переживания. Сама картина имеет миф о том, что она проклята и приносит несчастья владельцу. Медиана оценок испытуемых составила 1,5 балла по семибалльной шкале эмоций — картина вызывает явно негативные переживания. Диапазон значений — 3 балла; 9 из 10 испытуемых отмечали свои переживания как негативные в разной степени, и только один испытуемый счел свои переживания нейтральными (4 балла).

Рис. 2. Э. Мунк «Смерть и дитя», 1899 г.

Можно также отметить, что автор морской позитивной картины А.Н. Аверин вообще известен своей жизнерадостной живописью и многочисленными схожими мотивами, изображающими красоту человека и природы. Э. Мунк, напротив, известен всему миру своей тяжелой судьбой, психопатологией и соответствующее впечатление производят его картины.

Процедура 1. Все рассказы записывались на диктофон, испытуемые были предупреждены заранее о целях аудиозаписи и давали свое устное согласие.

В Исследовании 1 испытуемому демонстрировалась одна из картин и следующая инструкция: «Перед вами картина художника. Расскажите, что на ней происходит. Около 20 предложений». Сразу после окончания рассказа по первой картине задавался второй вопрос: «Какие впечатления у вас вызывает эта картина?». После незначительной технической паузы (около 15–30 секунд) испытуемому демонстрировали следующую картину с той же инструкцией. Чтобы избежать эффекта последовательности, порядок демонстрации картин менялся для каждого следующего испытуемого.

Выборка 1. В эксперименте приняли участие 42 испытуемых. Это были студенты РАНХиГС, г. Москва, и за участие они получали баллы в счет учебных дисциплин. Нужно отметить, что собранная выборка ассиметрична по возрасту и полу: средний возраст 21 год, 12% – испытуемые мужского пола и 88% – испытуемые женского пола.

Метод 1. Для целей анализа рассказов в обоих исследованиях необходимо было транскрибировать устную речь в письменную запись. Собранный нами материал аналогичен рассказам о сновидениях, которые были собраны и анализировались в известном исследовании А.А. Кибрика [13]. Полноценное транскрибирование, как правило, осуществляется по методу выделения элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ) с учетом разнообразных просодических элементов [3; 10; 11]. Это весьма трудоемкий и сложный процесс. Исследователи процедуры транскрибирования отмечают, что каждая процедура транскрибирования может варьироваться в зависимости от задачи [3]. Для наших целей было достаточно перевести устную речь в графическую форму и разбить ее на клаузы (или фразы). Клауза – это наименьший содержательный фрагмент текста. Клаузу почти всегда легко определить по предикату (в одной клаузе – один предикат). По данным А.А. Кибрика и В.И. Подлесской, 2/3 ЭДС в устной речи соответствуют клаузе по длине [10].

В полученных транскриптах рассказов далее были выделены и подсчитаны элементы текста, содержащие наиболее частотные отрицательные элементы: частицы и приставки «не», «ни», слова «нет» [12].

Для измерения количества отрицаний в текстах использовались две метрики.

1. Индекс отрицательных фраз. Чтобы сравнить количество отрицательных фраз с учетом разной длины текстов, нужно сравнивать индексы отрицаний. Индекс отрицания получается, если количества отрицательных фраз в рассказе разделить на общее количество фраз в этом рассказе. Отрицательная фраза может содержать одно или два отрицательных элемента, например: «Меня не отпускала паника», «Ничего такого не было».

2. Сравнение количества слов, содержащих отрицания. Чтобы скорректировать количество отрицаний относительно объема текстов использовалась формула Готтшалка–Глезер [19]

$$\sqrt{100 \times \frac{f+0,5}{N}},$$

где f – количество отрицательных слов в рассказе, N – общее количество слов в рассказе.

Таким образом, применяемые метрики позволили статистически оценить количество отрицательных фраз и количество отрицательных слов относительно разной длины текстов. Сравнение двух вариантов анализа повышает надежность результатов.

Результаты 1. Данные по анализу индексов отрицательных фраз в эксперименте с описанием картин представлены в табл. 2.

Таблица 2

Описательные статистики Исследования 1 (описания картин)

	Все фразы в описаниях позитивной картины	Отрицательные фразы в описаниях позитивной картины	Все фразы в описаниях негативной картины	Отрицательные фразы в описаниях негативной картины
Количество фраз во всех рассказах	1134	65	1337	162
Среднее значение	27 (14,5)	1,5 (1,7)	32 (13,6)	3,9 (2,9)
Индекс отрицательных фраз	—	0,05 (0,05)	—	0,12 (0,07)

Примечание: в скобках указано стандартное отклонение.

Если сравнивать индексы отрицаний по критерию Вилкоксона для связанных выборок статистическая значимость различий — высокая ($p \leq 0,001$; $Z = -4,152$; $p = 0,000$).

Подсчет общего количества фраз показывает, что негативную картину испытуемые описывали более многословно — среднее количество фраз при описании позитивной картины — 27, при описании негативной — 32.

Отрицательные фразы в описаниях негативной картины встречаются в два раза чаще, чем при описании позитивной картины (индекс отрицаний 0,12 и 0,05 соответственно). Стандартное отклонение показывает большую вариативность количества отрицательных фраз при описании позитивной картины (0,05), чем при описании негативной (0,07). Это говорит о том, что употребление отрицаний при описании негативной картины более согласованы и стабильны.

Если обратиться к анализу отрицательных слов в текстах, то понадобятся данные, вычисленные по формуле Готтшалка—Глезер (табл.3). Оценить значимость различий этих показателей для эксперимента с картинками позволит критерий Вилкоксона, который говорит о высокой значимости различий ($p \leq 0,01$; $Z = -2,770$; $p = 0,006$).

Таблица 3

Анализ количества отрицательных слов в обоих экспериментах (картины и воспоминания)

	Позитивная картина	Позитивное воспоминание	Негативная картина	Негативное воспоминание
Среднее значение показателя	1,42	1,45	1,77	1,86
Стандартное отклонение	0,54	0,39	0,55	0,47

Примечание: данные вычислены по формуле Готтшалка—Глезер.

Таким образом, оба используемых критерия оценки отрицаний в текстах показывают, что негативная картина описывалась с большим количеством отрицаний. Выявляется высокий коэффициент корреляции Пирсона между индексами отрицательных фраз и показателем частоты отрицательных слов ($r = 0,9$).

Исследование 2

Процедура 2. Во втором исследовании испытуемых просили рассказать два воспоминания: «Я попрошу вас вспомнить какое-то конкретное событие, когда вы испытали радость/испугались, и это событие случилось с вами за последний 10 лет. Расскажите, пожалуйста, о нем, используя около 20 предложений». Эмоциональный характер первого и второго воспоминания чередовался для каждого следующего испытуемого. Рассказы также записывались на диктофон.

Иногда испытуемые в рассказах о радостном воспоминании описывали подробно негативные события, предшествовавшие радостному моменту, а радостные переживания лишь декларировали в финальной фразе: «Эта череда неприятностей закончилась, и я была рада». В этих случаях экспериментатор просил рассказать подробнее именно о позитивных конкретных событиях и своих радостных переживаниях. Что касается специфики страшного воспоминания, то большинство испытуемых выбирали действительно эмоциональные и лично значимые воспоминания, хотя и были случаи, когда страшное воспоминание казалось весьма нейтральным, «безопасным» для актуализации его переживаний.

Все комментарии об эмоциональном характере воспоминаний являются результатом субъективной оценки экспериментатора, эмоциональные реакции не фиксировались каким-то специальным способом.

Выборка 2. В эксперименте с воспоминаниями приняли участие 32 испытуемых. Они были студентами РАНХиГС, за участие они получали баллы в счет дисциплин. Выборка — асимметрична по полу и возрасту: средний возраст — 20 лет, 18,8% — испытуемые мужского пола и 81,2% — испытуемые женского пола.

Метод 2. Метод транскрибирования устных записей, разбивки текста рассказов на фразы (или ЭДЕ), а также подсчет отрицательных фраз и слов был аналогичен первому исследованию с картинками.

Результаты 2. Описательные статистики по результатам анализа рассказов-воспоминаний представлены в табл. 4. Сравнить количество отрицаний с учетом асимметрии общего количества фраз снова позволяет индекс отрицательных фраз.

Таблица 4

Описательные статистики для Исследования 2 (воспоминания)

	Фразы в радостных воспоминаниях	Отрицательные фразы в радостных воспоминаниях	Фразы в страшных воспоминаниях	Отрицательные фразы в страшных воспоминаниях
Количество фраз во всех рассказах	698	59	929	147
Среднее значение	22 (11,03)	1,7 (1,37)	29 (18,98)	4,0 (3,15)
Индекс отрицательных фраз	—	0,07 (0,05)	—	0,14 (0,07)

Примечание: в скобках указано стандартное отклонение.

Так, при описании страшного воспоминания отрицания использовались испытуемыми в два раза чаще, чем при описании радостного воспоминания (индексы 0,14 и 0,07 со-

ответственно). Сравнение индексов отрицаний в рассказах о воспоминаниях по критерию Вилкоксона для связанных выборок показало высокую статистическую значимость различий ($p \leq 0,001$; $Z = -3,460$; $p = 0,001$). Стандартные отклонения показывают умеренную вариативность данных (в табл. 4 указаны в скобках).

Как и в случае с описанием негативной картины, испытуемые рассказывают страшные воспоминания с большим количеством фраз по сравнению с радостным воспоминанием (22 фразы — среднее количество для радостного воспоминания и 29 фраз — для страшного).

Обратимся к анализу отрицательных слов, показатель вычислялся по формуле Готтшалка—Глезер (табл. 3). Значимость различий по критерию Вилкоксона — высокая ($p \leq 0,01$; $Z = -3,104$; $p = 0,002$) — отрицательные слова испытуемые употребляли чаще при описании страшного воспоминания. Коэффициент корреляции Пирсона между индексом отрицательных фраз и частотой отрицательных слов снова — высокий ($r = 0,9$).

Если же сравнить статистические данные описания картин и воспоминаний (табл. 2 и табл. 4), то заметно, что испытуемые большим количеством фраз описывали свои воспоминания, чем картины, а также чаще употребляли отрицания при описании воспоминаний. Возможно, это связано с тем, что личные воспоминания вызвали больший отклик, чем описания картин.

Отметим и то, что вычисленные показатели в обоих экспериментах очень близки по своим значениям: частота отрицательных фраз при описании негативных стимулов в обоих экспериментах выше в два раза, чем при описании позитивных стимулов; высокий коэффициент корреляции между частотой отрицательных фраз и частотой отрицательных слов также указывает на неслучайность полученных результатов.

Обсуждение

Гипотеза обоих исследовательских процедур заключалась в том, что эмоционально негативные стимулы будут описываться с отрицаниями значимо чаще, чем эмоционально позитивные стимулы. Эта гипотеза подтвердилась.

Выявленные различия являются высоко значимыми по данным статистических методов анализа. Параллельный анализ двух схожих по содержанию экспериментов показывает практически одинаковые количественные различия отрицаний в описаниях позитивных и негативных стимулов (разница в 2 раза) — эти обстоятельства повышают надежность полученных результатов.

В связи с характером исследовательских процедур частоту встречаемости отрицаний можно интерпретировать лишь обобщенно — как большее или меньшее их количество в общем массиве фраз.

Если обратиться к интерпретации данных в чисто механистическом ключе, то появление отрицаний при описании негативных стимулов может быть результатом ассоциации отрицательной формы в речи с эмоционально негативным характером стимулов. Истоки данной ассоциативной связи лежат в речевом опыте каждого из нас, когда с детства ребенок, а потом и взрослый сталкиваются с отрицательными частицами в эмоционально негативных ситуациях запрета, депривации желаний («Не плач, не кричи, не кури»), критики («Нет логики, не годится»), отказа («нет сил, не работает») и т.п.

Вспоминая идеи Фрейда о том, что отрицания в речи подобны желанию отбросить от себя что-то плохое, то актуализация отрицаний при описании негативных стимулов вызвана именно этим желанием — выйти из ситуации, в которой человек вынужден погружать-

ся в негативные воспоминания или разглядывать и описывать картину, повествующую о смерти матери маленькой девочки.

Отметим специально, что дискурсивный характер интерпретации отрицания предполагает, что выявленный феномен справедлив в конкретных речевых ситуациях, когда разнообразные факторы влияют на речевую динамику; в нашем случае имела значение интенция говорящего отразить эмоциональный характер описываемой ситуации. А также отметим, что хотя мы не проводили специальных измерений эмоционального реагирования каждого испытуемого, можно предположить, что и сами испытуемые испытывали эмоции, которые могли индуцировать картины и воспоминания. Предполагаемые эмоции заострялись еще и контрастным характером предъявляемых стимулов. Поэтому мы не можем сейчас дифференцировать эти очень близкие переменные: эмоционально негативный характер стимулов и переживание негативных эмоций. На увеличение отрицаний в речи могли оказать влияние оба этих фактора.

В представленном здесь исследовании анализировались суммарные отрицания на уровне текста. Дальнейшие же исследования будут направлены на выявление механизмов работы отрицаний на уровне фразы, так как остается не понятным механизм актуализации отрицания в каждом конкретном случае. Ведь употребление отрицательных конструкций не обусловлено недостатком лингвистических средств, почти в каждом случае фраза может быть построена утвердительно. В частности, как влияет на появление отрицания ядерное значение отрицаемого слова?

Например, если испытуемый говорит: «Это было нерадостное воспоминание», значит ли это, что актуализировалась лексема «радостное», которая на более поздних этапах продуцирования речи достроилась до «нерадостное» (теория двух шагов). И тогда говорящий выдает свои симпатии к этому воспоминанию, но сознательно отрицает его. А эмоционально негативным маркером отрицание становится вследствие сомнений говорящего, желания скрыть свое истинное отношение.

Или построение такой фразы устроено иначе. Испытуемый считает воспоминание действительно трагическим и травмирующим, но конвенционально старается сдерживать негативную экспрессию описания и неосознанно использует речевой прием литоту (преуменьшение). При этом актуализированную эмоционально резкую лексему «скорбное» легче смягчить до ассоциативно близкого антонима «радостное» (который отрицается до «нерадостное»), чем подбирать синонимичную утвердительную лексему с меньшей экспрессией (например, «тревожное» или «горькое»). При этом во фразе «Это было нерадостное воспоминание» экспрессивность и однозначность выражены явно меньше, чем во фразе «Это было горькое воспоминание», так как фраза с отрицанием предполагает два варианта интерпретации: «печальное воспоминание» и «нейтральное воспоминание», а также актуализирует позитивную сему радости. А меньшая экспрессивность других синонимов («тревожное» или «горькое») вообще сомнительна и субъективна.

Выводы

Проведенные исследования показывают, что от эмоционального характера описываемого стимула может зависеть количественное употребление отрицаний — негативный стимул актуализирует отрицания в речи. Полученный вывод подкрепляется двумя экспериментальными процедурами и двумя критериями оценки частоты отрицаний, которые показывают количественно схожие результаты.

Выявленный феномен может иметь практическое применение при анализе текстов на предмет их эмоционального характера, так как подсчитывать отрицания как дискурсивный маркер довольно легко, даже в автоматизированных программах анализа текста.

Тема анализа отрицаний, как имплицитного маркера негативного характера предмета речи требует дальнейшей разработки.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Избранные труды по психологии. Т.2: Развитие и воспитание личности. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2007. 548 с.
2. *Белобородова А.В.* Средства выражения отрицания и негативной коннотации во фразеологизмах со значением безразличия в русском и английском языках // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. С. 147–155.
3. *Бурова Е.С.* Сегментация речи при создании корпуса устных текстов [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 9. С. 2657–2663. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/segmentatsiya-rechi-pri-sozdanii-korpusa-ustnyh-tekstov> (дата обращения: 03.07.2022).
4. *Бэндлер Р., Гриндер Д.* Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона. Сыктывкар: Фланта, 2000. 184 с.
5. *Горин С.А.* А вы пробовали гипноз? (Практическое руководство по применению гипнотических психотехник в медицине и бизнесе, рекламе и пропаганде, торговле и повседневной жизни). Научно-популярное издание. СПб., 1995. 208 с.
6. *Гребенищикова Т.А., Павлова Н.Д.* Дискурс и его психологическое воздействие: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2017. Том 38. № 3. С. 18–31.
7. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Баранов А.Н., Бонно К., Василевская Н.Б. и др.; под ред. К. Киселевой и Д. Пайара; МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Метатекст, 1998. 446 с.
8. *Ершова В.Е.* Отрицание и отрицательная оценка как составляющие речевого конфликта: их функции и роль в конфликтном взаимодействии [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 12–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otritsanie-i-otritsatelnaya-otsenka-kak-sostavlyayushchie-rechevogo-konflikta-ih-funktsii-i-rol-v-konfliktnom-vzaimodeystvii> (дата обращения: 27.04.2023).
9. *Жиляев А.Г.* Интенсивные методики оценки психологического состояния, выявления и коррекции психологической дезадаптации: метод. пособие. Казань: Вестфалика, 2009. 125 с.
10. *Кибрик А.А., Подлесская В.И.* К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2003. № 10. С. 5–11.
11. *Кибрик А.А., Подлесская В.И.* Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования. 2006. Том 1. С. 138–158.
12. *Падучева Е.В.* Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. 303 с.
13. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса [монография] / А.А. Кибрик и др. М.: Языки славянских культур, 2009. 733 с.
14. *Убушаева И.В.* Прагматика отрицательных высказываний в английском и русском языках // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. Вып. 4 Ч. 2. С. 207–210.
15. *Фрейд З.* Психологические сочинения: в 10 т. Т. 4. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. 325 с.
16. *Шилихина К.М.* Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 120–125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-diskursivnyh-markerov-metodami-korpusnoy-lingvistiki>(дата обращения: 05.07.2022).
17. *Bloom L.M.* Language development: Form and function in emerging grammars. New York: MIT Research Monograph, 1968. 270 p.
18. *Ginzburg J., Tian Y.* No I Am: What are you saying “No” to? // Proceedings of Sinn und Bedeutung. 2018. Vol. 21. № 2. P. 1241–1252.

19. *Gottschalk L.A., Gleser G.C.* The measurement of psychological states through the content analysis of verbal behavior. Berkeley: University of California Press, 1969. 228 p.
20. Incrimination through innuendo: Can media questions become public answers? / D. Wegner and others // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. № 40. P. 822–832. DOI:10.1037/0022-3514.40.5.822
21. Inhibitory mechanisms in the processing of negations: A neural reuse hypothesis / D. Beltrán and others // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2021. № 50(6). P. 1243–1260.
22. *Lee-Goldman R.* No as a discourse marker // *Journal of Pragmatics*. 2011. № 43(10). P. 2627–2649. DOI:10.1016/j.pragma.2011.03.011
23. *McClelland D.C.* Power: The inner experience. New York: Irvington Publishers, 1975. 427 p.
24. Negation as a means for emotion regulation? Startle reflex modulation during processing of negated emotional words / C. Herbert and others // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2011. № 11(2). P. 199–206. DOI:10.3758/s13415-011-0026-1
25. *Pea R.D.* Origins of verbal logic: Spontaneous denials by two- and three-year olds // *Journal of Child Language*. 1982. № 9(3). P. 597–626.

References

1. Ananyev B.G. Selected works on psychology. Vol. 2: Personal development and education. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2007. 548 p. (In Russ.).
2. Beloborodova A.V. Means of expressing negation and negative connotation in phraseological units with the meaning of indifference in Russian and English. *Bulletin of the Pushkin State University of Leningrad*, 2010. No. 1, pp. 147–155. (In Russ.).
3. Burova E.S. Segmentation of speech when creating a corpus of oral texts. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2021. No. 9, pp. 2657–2663. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/segmentatsiya-rechi-pri-sozdanii-korpora-ustnyh-tekstov> (Accessed 03.07.2022). (In Russ.).
4. Bandler R., Grinder D. Patterns of hypnotic techniques of Milton Erickson. Syktyvkar: Flint, 2000. 184 p.
5. Gorin S.A. Have you tried hypnosis? (A practical guide to the use of hypnotic psychotechnics in medicine and business, advertising and propaganda, trade and everyday life). *Popular science publication*. St. Petersburg, 1995. 208 p. (In Russ.).
6. Grebenshchikova T.A., Pavlova N.D. Discourse and its psychological impact: approaches to research. *Psychological journal*, 2017. Vol. 38, no. 3, pp. 18–31. (In Russ.).
7. Discursive words of the Russian language: the experience of contextual and semantic description / Baranov A.N., Bonno K., Vasilevskaya N.B., etc. Ed. by K. Kiseleva and D. Payar. Lomonosov Moscow State University. Moscow: Metatext, 1998. 446 p. (In Russ.).
8. Ershova V.E. Negation and negative evaluation as components of speech conflict: their functions and role in conflict interaction [Electronic resource]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2012. No. 354, pp. 12–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otritsanie-i-otritsatelnaya-otsenka-kak-sostavlyayushchie-rechevogo-konflikta-ih-funksii-i-rol-v-konfliktnom-vzaimodeystvii> (Accessed 27.04.2023). (In Russ.).
9. Zhilyaev A.G. Intensive methods of assessing the psychological state, identifying and correcting psychological maladaptation: A methodological guide. Kazan: Vestfalika, 2009. 125 p. (In Russ.).
10. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. Towards the creation of oral Russian speech corpora: principles of transcription. *Scientific and technical information. Series 2: Information processes and systems*, 2003. No. 10, pp. 5–11. (In Russ.).
11. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. The problem of segmentation of oral discourse and the cognitive system of the speaker. *Cognitive research*, 2006. Vol. 1, pp. 138–158. (In Russ.).
12. Paducheva E.V. Russian negative sentence. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2013. 303 p. (In Russ.).
13. Stories about dreams: a corpus study of oral Russian discourse [monograph] / A.A. Kibrik, et al. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2009. 733 p. (In Russ.).
14. Ubushaeva I.V. Pragmatics of negative statements in English and Russian languages. *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature*, 2008. No. 4–2, pp. 207–210. (In Russ.).
15. Freud Z. Psychological essays [in 10 volumes]. Vol. 4. Moscow: LLC “Firm STD”, 2006. 325 p. (In Russ.).

16. Shilikhina K.M. The study of discursive markers by methods of corpus linguistics. *Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015. No. 3, pp. 120–125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-diskursivnyh-markerov-metodami-korpusnoy-lingvistiki> (Accessed 05.07.2022). (In Russ.).
17. Bloom L.M. Language development: Form and function in emerging grammars. New York: MIT Research Monograph, 1968. 270 p.
18. Ginzburg J., Tian Y. No I Am: What are you saying “No” to? *Proceedings of Sinn und Bedeutung*, 2018, No. 21 (2), pp. 1241–1252.
19. Gottschalk L.A., Gleser G.C. The measurement of psychological states through the content analysis of verbal behavior. Berkeley: University of California Press, 1969. 228 p.
20. Incrimination through innuendo: Can media questions become public answers? / D. Wegner and others. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1981. No. 40, pp. 822–832. DOI:10.1037/0022-3514.40.5.822
21. Inhibitory mechanisms in the processing of negations: A neural reuse hypothesis / D. Beltrán and others. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2021. No. 50(6), pp.1243–1260.
22. Lee-Goldman R. No as a discourse marker. *Journal of Pragmatics*, 2011. No. 43(10), pp. 2627–2649. DOI:10.1016/j.pragma.2011.03.011
23. McClelland D.C. Power: The inner experience. New York: Irvington Publishers, 1975. 427 p.
24. Negation as a means for emotion regulation? Startle reflex modulation during processing of negated emotional words / C. Herbert and others. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 2011. No. 11(2), pp. 199–206. DOI:10.3758/s13415-011-0026-1
25. Pea R.D. Origins of verbal logic: Spontaneous denials by two-and three-year olds. *Journal of Child Language*, 1982. No. 9(3), pp. 597–626.

Информация об авторах

Андреева Галина Александровна, аспирант факультета психологии Института Общественных Наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4155-8970>, e-mail: andreeva_galia29@mail.ru

Information about the authors

Galina A. Andreeva, Postgraduate Student of the Psychology Faculty of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4155-8970>, e-mail: andreeva_galia29@mail.ru

Получена 14.09.2022

Received 14.09.2022

Принята в печать 01.12.2023

Accepted 01.12.2023